

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе**

**2025–2026 учебный год**

**Муниципальный этап**

**10 КЛАСС**

**Задание 1.**

**Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).**

*Константин Паустовский (1892—1968)*

**Последний черт**

Дед ходил за дикой малиной на Глухое озеро и вернулся с перекошенным от страха лицом. Он долго кричал по деревне, что на озере завелись черти. В доказательство дед показывал порванные штаны: черт якобы клюнул деда в ногу, порвал рядно и набил на колене большую ссадину.

Деду никто не верил. Даже сердитые старухи шамкали, что у чертей отродясь не было клювов, что черти на озерах не водятся и, наконец, что после революции чертей вообще нет и быть не может — большевики извели их до последнего корня.

Но все же бабы перестали ходить к Глухому озеру за ягодами. Им стыдно было признаться, что на двадцатом году революции они боятся чертей, и потому в ответ на упреки бабы отвечали нараспев, пряча глаза:

— И-и-и, милай, ягод нынче нетути даже на Глухом озере. Отродясь такого пустого лета не случалось. Сам посуди: зачем нам зря ходить, лапти уродовать?

Деду не верили еще и потому, что он был чудака и неудачник. Звали деда «Десять процентов». Кличка эта была для нас непонятна.

— За то меня так кличут, милок, — объяснил однажды дед, — что во мне всего десять процентов прежней силы осталось. Свинья меня задрала. Ну и была ж свинья — прямо лев! Как выйдет на улицу, хрюкнет — кругом пусто! Бабы хватают ребят, кидают в избу. Мужики выходят во двор не иначе как с вилами, а

которые робкие, те и вовсе не выходят. Прямо турецкая война! Крепко дралась та свинья.

Ну слухай, что дальше было. Залезла та свинья ко мне в избу, сопит, зыркает на меня злым глазом. Я ее, конечно, тяпнул костылем. «Иди, мол, милая, к лешему, ну тебя!» Тут оно и поднялось! Тут она на меня и кинулась! Сшибла меня с ног; я лежу, кричу в голос, а она меня рветь, она меня терзает! Васька Жуков кричит: «Давай пожарную машину, будем ее водой отгонять, потому ныне убивать свиней запрещено!» Народ толчется, голосит, а она меня рветь, она меня терзает! Насилу мужики меня цепами от нее отбили. В больнице я лежал. Доктор прямо удивился. «От тебя, говорит, Митрий, по медицинской видимости, осталось не более как десять процентов». Теперь так и перебиваюсь на эти проценты. Вот она какая, жизнь наша, милоч! А свинью ту убили разрывной пулей: иная ее не брала.

Вечером мы позвали деда к себе — расспросить о черте. Пыль и запах парного молока висели над деревенскими улицами — с лесных полян пригнали коров. Бабы кричали у калиток, заунывно и ласково, скликая телят:

— Тялуш, тялуш, тялуш!..

Дед рассказал, что черта он встретил на протоке у самого озера. Там он кинулся на деда и так долбанул клювом, что дед упал в кусты малины, завизжал не своим голосом, а потом вскочил и бежал до самого Горелого болота.

— Чуть сердце не хряснуло. Вот какая получилась завертка!

— А какой из себя этот черт?

Дед заскреб затылок.

— Ну, вроде птица, — сказал он нерешительно. — Голос вредный, сиплый, будто с простуды. Птица не птица, пес его разберет.

— Не сходить ли нам на Глухое озеро? Все-таки любопытно, — сказал Рувим, когда дед ушел, попив чаю с баранками.

— Тут что-то есть, — ответил я, — хотя этот дед и считается самым пустяковым стариком от Спас-Клепиков до Рязани.

Вышли на следующий же день. Я взял двустволку.

На Глухое озеро мы шли впервые и потому прихватили с собой провожатым

деда. Он сначала отказывался, ссылаясь на свои «десять процентов», потом согласился, но попросил, чтобы ему за это в колхозе выписали два трудодня. Председатель колхоза, комсомолец Леня Рыжов, рассмеялся:

— Там видно будет! Ежели ты у баб этой экспедицией дурь из головы выбьешь, тогда выпишу. А пока шагай!

И дед, благословясь, зашагал. В дороге о черте рассказывал неохотно, больше помалкивал.

— А он ест что-нибудь, черт? — спрашивал, посмеиваясь, Рувим.

— Надо полагать, рыбкой помаленьку питается, по земле лазит, ягоды жрет, — говорил, сморкаясь, дед. — Ему тоже промышлять чем-нибудь надо, да-ром что нечистая сила.

— А он черный?

— Поглядишь — увидишь, — отвечал загадочно дед. — Каким прикинется, таким себя и покажет.

Весь день мы шли сосновыми лесами. Шли без дорог, перебрались через сухие болота — мшары, где нога тонула по колено в коричневых мхах.

Жара густо настаивалась в хвое. Кричали медведки. На сухих полянах из-под ног дождем сыпались кузнечики. Устало никла трава, пахло горячей сосновой корой и земляникой. В небе над верхушками сосен неподвижно висели ястребы.

Жара измучила нас. Лес был накален, казалось, что он тихо тлеет от солнечного зноя. Даже как будто пахло гарью. Мы не курили. Мы боялись, что от первой же спички лес вспыхнет и затрещит, как сухой можжевельник, и белый дым лениво поползет к солнцу.

Мы отдыхали в густых чащах осин и берез, пробирались через заросли на сырые места и дышали грибным прелым запахом травы и корней.

Мы долго лежали на привалах и слушали, как шумят океанским прибоем вершины сосен, — высоко над головой дул медленный ветер. Он был, должно быть, очень горяч.

Только к закату мы вышли на берег озера. Безмолвная ночь осторожно надвигалась на леса глухой синевой. Едва заметно, будто капли серебряной воды,

блестели первые звезды. Утки с тяжелым свистом летели на ночлег.

Озеро, замкнутое поясом непроходимых зарослей, поблескивало внизу. По черной воде расплывались широкие круги — играла на закате рыба.

Ночь начиналась над лесным краем, долгие сумерки густели в чащах, и только костер трещал и разгорался, нарушая лесную тишину.

Дед сидел у костра и скреб пятерней худую грудь.

— Ну, где же твой черт, Митрий? — спросил я.

— Тама, — дед неопределенно махнул рукой в заросли осинника. — Куда рвешься? Утром искать будем. Нынче дело ночное, темное, — погодить надо.

На рассвете я проснулся. С сосен капал теплый туман.

Дед сидел у костра и торопливо крестился. Мокрая его борода мелко дрожала.

— Ты чего, дед? — спросил я.

— Доходишься с вами до гибели! — пробормотал дед. — Слышь, кричит, анафема! Слышь? Буди всех!

Я прислушался. Спросонок ударила в озере рыба, потом пронесся пронзительный и яростный крик.

— Уэк! — кричал кто-то. — Уэк! Уэк!

В темноте началась возня. Что-то живое тяжело забилося в воде, и снова злой голос прокричал с торжеством:

— Уэк! Уэк!

— Спаси, владычица-троеручица! — бормотал, запинаясь, дед. — Слышь, как зубами кляцает? Дернуло меня с вами сюды переться, старого дурака!

С озера долетали странное щелканье и деревянный стук, будто там дрались палками мальчишки.

Я растолкал Рувима.

— Ну, — сказал дед, — действуйте, как желаете. Я знать ничего не знаю! Еще за вас отвечать доведется. Ну вас к лешему!

Дед от страха совсем ошалел.

— Иди стреляй, — бормотал он сердито. — Советско правительство тоже за

это по головке не побалуется. Нетто можно в черта стрелять? Ишь чего выдумали!

— Уэк! — отчаянно кричал черт.

Дед натянул на голову армяк и замолк.

Мы поползли к берегу озера. Туман шуршал в траве. Над водой неторопливо подымалось огромное белое солнце.

Я раздвинул кусты волчьей ягоды на берегу, взгляделся в озеро и медленно потянул ружье.

— Что видно? — шепотом спросил Рувим.

— Странно. Что за птица, никак не пойму.

Мы осторожно поднялись. На черной воде плавала громадная птица. Оперение ее переливалось лимонным и розовым цветом. Головы не было видно, — она вся, по длинную шею, была под водой.

Мы оцепенели. Птица вытащила из воды маленькую голову, величиною с яйцо, заросшую курчавым пухом. К голове был как будто приклеен громадный клюв с кожаным красным мешком.

— Пеликан! — крикнул Рувим.

— Уэк! — предостерегающе ответил пеликан и посмотрел на нас красным глазом.

Из пеликаньего клюва торчал хвост толстого окуня. Пеликан тряс шеей, чтобы протолкнуть окуня в желудок.

Тогда я вспомнил о газете — в нее была завернута копченая колбаса. Я бросился к костру, вытряхнул из рюкзака колбасу, расправил засаленную газету и прочел объявление, набранное жирным шрифтом:

«Во время перевозки зверинца по узкоколейной железной дороге сбежала африканская птица пеликан. Приметы: перо розовое и желтое, большой клюв с мешком для рыбы, на голове пух. Птица старая, очень злая, не любит и бьет детей. Взрослых трогает редко. О находке сообщить в зверинец за приличное вознаграждение».

— Ну, — спросил я, — что будем делать? Стрелять жалко, а осенью он подохнет от голода.

— Дед сообщит в зверинец, — ответил Рувим. — И, кстати, заработает.

Мы пошли за дедом. Дед долго не мог понять, в чем дело. Он молчал, моргая глазами, и все скреб худую грудь. Потом, когда понял, пошел с опаской на берег смотреть черта.

— Вот он, твой леший, — сказал Рувим. — Гляди!

— И-и-и, милый... — Дед захихикал. — Да разве я что говорю! Ясное дело — не черт. Пущай живет на воле, рыбку полавливает. А вам спасибо. Ослобонили народ от страха. Теперь девки сюда понапрут за ягодами — только держись! Шалая птица, сроду такой не видал.

Днем мы наловили рыбы и снесли ее к костру. Пеликан поспешно вылез на берег и приковылял к нашему привалу. Он посмотрел на деда прищуренным глазом, как будто стараясь что-то припомнить. Дед задрожал. Но тут пеликан увидел рыбу, разинул клюв, щелкнул им с деревянным стуком, крикнул «уэк» и начал отчаянно бить крыльями и притопывать утиной лапой. Со стороны было похоже, будто пеликан качал тяжелый насос.

От костра полетели угли и искры.

— Чего это он? — испугался дед. — Чумной, что ли?

— Рыбы просит, — объяснил Рувим.

Мы дали пеликану рыбу. Он проглотил ее, потом снова начал накачивать крыльями воздух, приседать и топтать ногой — клянчить рыбу.

— Пошел, пошел! — ворчал на него дед. — Бог подаст. Ишь размахался!

Весь день пеликан бродил вокруг нас, шипел и кричал, но в руки не давался.

К вечеру мы ушли. Пеликан влез на кочку, бил нам вслед крыльями и сердито кричал: «Уэк, уэк». Вероятно, он был недоволен, что мы бросаем его на озере, и требовал, чтобы мы вернулись.

Через два дня дед поехал в город, нашел на базарной площади зверинец и рассказал о пеликане. Из города приехал рябой скучный человек и забрал пеликана.

Дед получил от зверинца сорок рублей и купил на них новые штаны.

— Порты у меня — первый сорт, — говорил он и оттягивал штанину. — Об

моих портах разговор идет до самой Рязани. Сказывают, даже в газетах печатали. Весь колхоз наш знаменитость получил через эту дуrolомную птицу. Вот она какая, жизнь наша, милоч!

1936

*Александр Городницкий (р. 1933)*

### **Кюхельбекер**

Когда б я вздумал сеять хлеб  
И поучать других при этом,  
Я был бы, видимо, нелеп,  
Как Кюхельбекер с пистолетом.  
Ах, эти ночи над Невой  
И к рифме сладкое влечение,  
Азарт атаки штыковой  
И безысходность заточенья!

Превозмогая боль и страх,  
В тюремном вытертом халате,  
В чужом тулупе, в кандалах,  
Был так он с виду неопрятен,  
Когда оброс и исхудал,  
Что Пушкин в темном помещенье  
Его при встрече не узнал  
И отвернулся с отвращеньем.

Судьба сказала: «Выбирай!»  
И поменял любовник пылкий  
Прибалтики цветущий край  
На тяготы Сибирской ссылки,  
Чтобы среди чужих степей,

Свой быт уподобляя плачу,  
Былых оплакивать друзей  
И Якубовича\* в придачу.

Когда, касаясь сложных тем,  
Я обращаюсь к прошлым летам,  
О нем я думаю, затем  
Что стал он истинным поэтом.  
Что, жизнь окончив на щите,  
Душою по-немецки странен,  
Он принял смерть — как россиянин:  
В глуши, в неволе, в нищете.

1972

---

\* ... *И Якубовича в придачу* — Александр Иванович Якубович (1792—1845) — офицер, литератор, участник восстания 14 февраля 1825 года. Согласно плану декабристов, А. И. Якубович, возглавлявший Лейб-гвардии Измайловский полк и Морской гвардейский экипаж, должен был захватить Зимний дворец и арестовать императорскую семью, однако утром в день восстания отказался исполнять задуманное. Был осужден на вечную каторгу, умер в заключении в Енисейске. Вильгельм Карлович Кюхельбекер посвятил ему стихотворение «На смерть Якубовича» (1846).

## Задание 2.

Вы — автор и ведущий литературного подкаста «Сумерки», который выходит по вечерам на волнах радио «Культура» на частоте 91,6 FM в московском регионе. Ваша миссия — не просто рассказывать о стихах, а создавать целостную, увлекательную историю для слушателей.

Подготовьте сценарий для второго выпуска цикла «Колыбельная в русской поэзии». Хронометраж — как обычно — 10-15 минут. Сценарий должен включать текст ведущего, музыкальные вставки (Вы можете дать указания музыкальному редактору) и записи чтения стихотворений.

В авторском тексте необходимо объяснить слушателям особенности жанра

колыбельной в литературе. Обращайте внимание на то, какие мотивы и образы, какие характерные художественные приемы делают стихотворение колыбельной. Попробуйте проследить изменения жанра во 2-й половине XIX в, покажите на примерах, как расширяется тематический диапазон колыбельной в русской поэзии.

Редактор выпуска уже подобрал для Вас несколько стихотворений. Вы можете использовать их для создания программы, но можете дополнить или изменить этот исходный набор за счет других примеров из русской или зарубежной поэзии на свое усмотрение.

### Русские колыбельные (2-й пол. XIX в.)

*Аполлон Майков*

#### **Колыбельная песня**

Спи, дитя мое, усни!  
Сладкий сон к себе мани:  
В няньки я тебе взяла  
Ветер, солнце и орла.

Ветра спрашивает мать:  
«Где изволил пропадать?  
Али звезды воевал?  
Али волны всё гонял?»

Улетел орел домой;  
Солнце скрылось под водой;  
Ветер, после трех ночей,  
Мчится к матери своей.

«Не гонял я волн морских,  
Звезд не трогал золотых;  
Я дитя оберегал,  
Колыбелочку качал!»

1860

*Петр Вейнберг*

#### **Колыбельная песня**

Спи, редактор знаменитый,  
Баюшки-баю!  
Я тебе, старик маститый,  
Песенку спою;  
Пусть нелепейшие сказки  
Жизнь срамят твою —  
Ты пиши из-под указки...  
Баюшки-баю!

Помогло тебе лихое  
Перышко твое:  
Ты забыл свое плохое  
Прежнее житье;  
Зажил ты богато, шибко,  
Как в земном раю, —  
Вот что значит гнуться гибко...  
Баюшки-баю!

Ходит всюду слух нелестный,  
Ходит резкий свист,  
Будто ты не слишком честный,  
Ловкий журналист;  
Плюнь на слухи! Тискай смело  
Нужную статью...  
Это выгодное дело...  
Баюшки-баю!

Продолжай такое семя  
Б землю ты кидать...  
Видишь, может наше время  
Труд вознаграждать.  
Пусть клеймят тебя зоилы —  
Ты силен в бою,  
Будешь крепок до могилы...  
Баюшки-баю!

1862

*Иван Суриков*

### **Колыбельная песенка**

Спи, мальчишка бестолковый,  
Пожалей себя!  
Будешь плакать — плеткой новой  
Высеку тебя.  
Я тебе, буян-сынишка,  
Песенку спою,  
Спи же ты, дрянной мальчишка,  
Баюшки-баю!

Слух по городу промчался:  
Твой отец-банкрот  
За долги в тюрьму попался...  
Он не пропадет!  
Знаю, кончит он исправно  
Сделочку свою,  
Кредиторов спрыснет славно,  
Баюшки-баю!

Спи, отдам тебя в служенье  
На гостиный двор.  
Там ты кончишь курс ученья,  
Станешь ловкий вор;  
Рано, рано ты загубишь  
Совесь всю свою,  
Красть по сотенной ты будешь,  
Баюшки-баю!

Все торговые обманы  
Сам поймешь собой  
И набьешь свои карманы  
Денежкой чужой;  
Скажешь: «Я правдив и верен,  
Грош не затаю»,  
Скажешь: «Честно жить намерен...»  
Баюшки-баю!

Тысяч триста нахватаешь,  
Документы дашь,  
А потом кому сам знаешь  
Лавки передашь;  
Пред кредиторами спину  
Выгнешь ты свою,  
Им за рубль отдашь полтину,  
Баюшки-баю!

Купишь после сделки честной  
Дом ты не один,  
Станешь ты купец известный,  
Честный гражданин.  
И, чресчур наевшись сыто,  
Кончишь жизнь свою.  
Спи, купец мой именитый,  
Баюшки-баю!

1864

*Константин Случевский*

### **Женщина и дети. Колыбельная песенка**

Ты засни, засни, моя милая,  
Дай подушечку покачаю я,  
Я головушку поддержу твою  
И тебя, дитя, убаюкаю.

Тихий детский сон, ты прийди, сойди,  
Наклонися к ней, не давя груди,  
Не целуй до слез, не пугай дитя, —  
Учи ласкою, вразумляй шутя.

Жизнь учить начнет, против воли гнет,  
Вразумит тогда, как всего сомнет,  
Зацелует в смерть, заласкает в бред  
И, позвав цвести, не допустит в цвет...

Ночь темна, молчит, смотрит букою?!  
Хорошо ли я так баюкаю?  
Сон спасительный, сон голубчик мой,  
Поскорей отца от дитяти скрой!..

1874(?)

*Мирра Лохвицкая*

### **Колыбельная**

Вечер настал, притаились ручьи,  
Гаснет сиянье зарниц;  
Нежно упала на щечки твои  
Тень шелковистых ресниц.

В дальнем лесу на прощанье свирель  
Трель отзвучала свою...  
Тихо качая твою колыбель,  
Песню тебе я пою.

Долго, любуясь тобой перед сном,  
Я созерцаю, любя, —  
Небо во взоре невинном твоём  
Рай мой в глазах у тебя.

Долго смотрю я на ангельский лик:  
«Милый, — твержу я, грустя —  
Ты еще крошка, а свет так велик...  
Будешь ли счастлив, дитя?» —

Видит лишь месяц средь темных ночей,  
Что я на сердце таю;  
Шлет он мне сноп серебристых лучей,  
Слушает песню мою...

Спи, не одна я счастливой судьбой  
Бодрствую в мраке ночном.  
Ангел-хранитель твой бдит над тобой  
И осеняет крылом.

*11 сентября 1893*